

A nighttime photograph of a city, likely St. Petersburg, Russia, featuring snow-covered rooftops, illuminated buildings, and a prominent church spire in the background. The scene is lit with warm yellow and orange lights from the buildings, contrasting with the dark blue night sky.

Алла Борисова-Линецкая

Дневник горожанки

Алла Борисова-Линецкая

Дневник горожанки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10244755

Дневник горожанки. Петербург в отражениях/ Борисова-Линецкая А.:

Книга-Сефер; 2015

ISBN 978-965-7288-31-3

Аннотация

Алла Борисова – известный питерский журналист и литератор. Она сотрудничала в ведущих газетах, журналах и сайтах. Ее материалы привлекали внимание искренностью и бескомпромиссной остротой. Создавая свои очерки, колонки и интервью она одновременно сооружала интереснейшую книгу, которую достойно завершила в Израиле. Мастерство беллетриста позволило ей превратить каждый очерк в увлекательное произведение, как правило, снабженное новеллой. В книге использованы статьи, опубликованные в газетах “Известия”, “Невское Время”, “Вечерний Петербург”, в журналах “Активист”, “Business Woman” и на сайте “Эхо Москвы”. Используются фотографии Павла Маркина, Владимира Григорьева, Галины Зерниной, Сони Кабаковой, Юрия Борисова, Аллы Борисовой. Издание осуществлено при поддержке Министерства абсорбции Государства Израиль.

Содержание

От автора	5
Осколки	11
Невский проспект	13
Литейный проспект	17
Мойка, 12	19
Летний Сад	21
Фонтанка	23
Биржа на Стрелке	26
Свидания на улице Восстания	29
Московский вокзал и скоростной поезд	31
Урбанистическое лето	34
О зеленоглазом такси	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алла Борисова-Линецкая

Дневник горожанки

Петербург в отражениях

1990–2015

От автора

“Каждый пишет, что он слышит”. Я работала в газетах и журналах и слушала этот мир. Возможно, глядя из сегодня на то вчера, когда были написаны эти строчки, многое покажется вам наивным. А может быть станет хоть немного яснее, где все мы оказались сейчас, и почему историческое колесо медленно и со скрипом покатилося по какому-то новому бездорожью. Тогда я не писала о политике – я писала о людях и любимом городе. Но что-то в этих заметках отразилось, и может быть день сегодняшней станет чуть более понятен. Не знаю.

Фото Владимира Григорьева

...Израиль плавится в хамсине. Это – когда ветер из пустыни, когда кажется, что дышать нечем, а влага стекает с тела струйками. Ватики (умудренные опытом старожилы) внимания на такие мелочи не обращают. А я вспоминаю Питер в жару Ощущения схожие, но есть одно “но”. В Петербурге можно понадеяться на скорый дождь. Здесь надежды никакой нет, и на мой вопрос, когда, наконец, что-то польется с

небес, мне отвечают задумчиво: “В ноябре...”

В этот раз Иерусалим праздновал свой День (день, когда в 1967 году в ходе Шестидневной войны город стал единым) вслед за Петербургом, который отмечал свой праздник накануне. Иерусалим пел песню “Ерушалаим шель захав...” (“Золотой Иерусалим”). Молился. Веселился. Гулял по бульвару Бен-Иегуда. Но не обошлось без камней, которые полетели в окна пассажирского автобуса. Хотя еще не интифада. Но все же.

Случай свел меня с 90-летним бригадным генералом армии обороны Израиля. Он был великолепен и просил называть его Толькой – такое имя дали ему литовские партизаны в 42-м... В леса к партизанам он тогда сбежал из гетто, где погибла вся семья. Он рассказывал, как в один июньский жаркий день вместе с парашютистами вошел в Иерусалим. И что почувствовал, очутившись впервые у Стены плача. И как главный раввин армии читал молитву...

Мы пили кофе, а напоследок спели дуэтом “Вьется в тесной печурке огонь”. Он пел лучше. Знал все слова.

В общем, это какой-то очень неформальный праздник в Израиле, очень личный.

Впрочем, Израиль вообще страна неформальная. Иногда до полного неприятия со стороны чопорного петербуржца. Здесь, например, любят ходить в шлепанцах, потому что так удобнее. Невеста в белом платье и резиновых шлепках никого не удивляет. Кроме меня и моей подруги, приехавшей

в Израиль из Милана.

На мой вопрос, идет ли автобус до моего города, водитель задумчиво роняет: “Может быть...” И добавляет: “Для тебя – все, что угодно!”

Дети орут в автобусах и кладут ноги в шлепках на сиденья. А на соседнем сиденье притулился солдатик с автоматом. Возвращается в часть после шабата. Вдруг движение замирает. Автобус стоит намертво, все болтают по телефонам, грызут яблоки, обсуждают визит Папы и бар-мицву некоего Даника. В чем дело? Оказывается, впереди дама за рулем авто выясняет отношения с мужчиной на тротуаре. Все весело ждут, когда они успокоятся, и можно будет ехать дальше. Кажется, никто никуда не спешит.

– А что тебя удивляет? Здесь же все свои... – поясняют старожилы. Свои – Арики, Шмулики, Даники.

Никто никуда не приходит вовремя. Моя питерская пунктуальность наталкивается на их левантийскую безмятежность.

– Совланут! – говорят они и улыбаются, когда ты ходишь по потолку. Спокойствие! Только спокойствие! И все будет беседер, то есть в полном порядке.

Политические страсти вскипают время от времени, как без них... Мой немолодой дядя, живущий в Ашкелоне, каждое утро идет купаться с собакой в море. И рассказывая мне об очередном дне, начинает неспешно: “Знаешь анекдот?”

– Мужики, а какой сегодня день?

– Понедельник.

– Ничего себе неделя начинается!”

Потому что иногда – в понедельник или во вторник – из воды они с собакой выходят под вой противоракетной сирены. “Бежим к бетонной будке и присаживаемся с ее северной стороны, закрыв голову руками – у кого есть руки, а не лапы”. Это – инструкция службы тыла. А над ними в чистом синем небе разворачивается интрига. Топливные выхлопы позволяют отслеживать траектории ракет, летящих на города и ракет системы “Железный купол”, которые их сбивают. Такое вот кино в воздухе. Я волнуюсь, он абсолютно спокоен. Привык.

Или вот посадили бывшего премьер-министра. Опять же за дело, за коррупцию. Но единого мнения по этому поводу, конечно, нет.

– Это ж, сколько их уже за решеткой? – негодуют представители алии 90-х (они всех учат, все знают, судят обо всем уверенно) в приемной у врача, ожидая очереди. – Из них же можно уже составить целое правительство! Тюремное!

А собеседник говорит, что гордится. Вот такая у нас демократия. Вор должен сидеть в тюрьме. Даже если он премьер-министр. Или, скажем, президент. Точка.

Израильская демократия мне лично нравится, хотя что-то иногда раздражает – когда, например, попадаю в африканский район Южного Тель-Авива. Представьте себе, что в Петербурге нелегальные мигранты заселились в районе Ва-

сильевского острова, открыли свои магазины, кафе, парикмахерские, раскинулись на отдых в скверике и с недоумением смотрят на редких коренных горожан. Вот эту картину можно наблюдать в Южном Тель-Авиве. Здесь живут в квартирках по 10 человек в каждой люди без статуса из близлежащих, не самых благополучных стран Африки. Израиль – единственная демократическая страна, до которой они могут дойти пешком. И сделать никто ничего не может. Потому что демократия, имеют право жить, где хотят. Им предлагают деньги, чтобы они уехали домой. Но они домой не спешат. Зачем?

– Эй, папарацци! – на меня угрожающе надвигается компания подростков из Эритреи. Или Судана. Понять сложно. Ретируюсь, петляя в трущобах.

...Хамсин. Горячий, расплавленный ветер пустыни. Не хочется думать. Хочется пить чай с мятой в ближайшей забегаловке. И вспоминать прохладный Петербург.

Осколки

Фото Павла Маркина

Я читала лекцию на факультете журналистики Иллинойского Университета. Большой такой университет, недалеко от города Чикаго. Так вот, я должна была рассказать о газетах и журналах города Санкт-Петербурга.

Я начала говорить, но меня перебили.

– Извините, – сказал немолодой профессор, пригласив-

ший меня в свой класс. – Сначала покажите им, пожалуйста, на карте, где находится Петербург. И, кстати, где Россия. Не все знают...

Фото Галины Зерниной

Невский проспект

“Эта сторона улицы наиболее опасна...”. “Почему она опасна?”, думаю я, девочка шести лет, бледный питерский ребенок, задрал голову, читая по слогам. Красивая такая улица, называется “Невский проспект”...

И еще было такое странное слово “бомбоубежище”. Это значит – куда-то надо было бежать, спасаться, держа подмышкой любимую кошку. От чего спасаться, морщит лоб девочка. Ничего не понимаю. Спрошу у мамы.

Для мамы Невский проспект в 41-м – это близорукий, сутулый профессор математики – папа, уходящий в ополчение. Навсегда. Это поезд со школьниками – теперь уже интернатскими детьми,двигающийся под бомбежками на север. Не надолго, думают взрослые... Месяца на два. Скоро вернемся в Ленинград. Шубы брать не будем.

Моя бабушка – воспитательница. Едет в теплушке с большими дизентерией, завшивленными детьми. Все знают, что она очень честная – эта ленинградка в первом поколении. Поэтому ей с тремя детьми приказывают по приезде на место жить в кладовке, где хранится хлеб на весь интернат. Оголодавшие в дороге худые ленинградские дети сидят на буханках хлеба – и ни кусочка, ни корочки не могут отщипнуть от этого богатства. Воспитательница строго следит за ними. И они справляются. А в интернате свирепствует дизентерия.

Это – война.

...А в 90-м году мой друг из Германии, студент-медик Гец привел меня в гости к своей маме и достал семейный альбом. Пара страниц... и я вижу его, Геца. Нет, это не он, а его дедушка. В нацистской форме, при полном параде.

– Да, он погиб у вас, под Ленинградом, – смущается мама Геца и быстро перелистывает страницу. Я тактично молчу. Глотаю фразу о том, что там же погиб мой дед-профессор математики. А моя мама с братом и сестрой ехали в это время в дизентерийной теплушке все дальше на север. Там их ждала голодная эвакуация. Баталии и братание с местными жителями. Щуплый мальчик (мой дядя) дерется с одноклассниками, обозвавшими его “жидом”. “Не выдал Сталин Гитлеру евреев, от этого и началась война”. Болезни. Похоронки. Бабушка, воспитанная в богатом купеческом доме, жена профессора, привыкшая вести дом с помощью верной домработницы, учится колоть дрова, разводить огород, копаясь в навозе. Этот небольшой, но старательно выращенный огород и помог интернатским детям выжить в далеком уральском поселке Огнево. Они смогли вернуться домой, это главное. И даже комнату в коммуналке на Литейном у моей бабушки не отобрали. Вот счастье-то.

“Да разве могут дети Юга...” писал Илья Эренбург, да разве могут они понять “что значит думать о весне...”

“Что значит в мартовские вьюги, когда отчаянье берет, все ждать и ждать, как неуклюже зашевелится донный лед”.

...Гец и его мама все время пытались меня накормить и все слали мне посылки с немецким шоколадом и трогательные письма.

Фото Павла Маркина

Фото Галины Зерниной

Литейный проспект

Утром я просыпалась в нашей огромной коммуналке на Литейном от шума моторов – окна нашей комнаты в бель-этаже выходили на правительственный гараж в Басковом переулке. Перед праздниками по стенам гаража ползали рабочие, устанавливая многометровые портреты руководителей страны. Сейчас я думаю: интересно, что определили в моей жизни эти огромные черно-белые полотнища? Кажется, детская психика выдержала. Да, я смотрела на лица, лишённые человеческого выражения, но они были для меня лишь привычным декором праздника. Портреты обрамлялись веселенькими лампочками, блики света бежали по занавескам, в комнате вкусно пахло салатом-оливье и праздничными бабушкиными пирожками.

Забавно, что думал по этому поводу нынешний российский президент, прогуливавшийся в те времена по тем же переулкам...

А ещё был детский садик в старинном дворянском особняке на улице Петра Лаврова. Однажды туда приехал Фидель Кастро. Знакомился с советскими детьми. Ничего не помню, кроме черной бороды. “Что нам Гекуба...” А вот подружку, которая не захотела встать со мной в пару на прогулке в Таврическом саду, помню отчетливо. Первое предательство как первая любовь вошло в плоть и кровь.

Но Таврический сад, к счастью, сохранил для меня все свое очарование. Сюда мы ходим с сыном фотографировать осень. Такая у нас традиция.

Мойка, 12

В музее на Мойке 12 я работала экскурсоводом в начале своей карьеры. Когда стало ясно, что у школьной учительницы литературы личной жизни не будет никогда, и ее заменят посиделки с родителями, учениками и директором школы по имени Клавдиан Петрович, – я спешно ретировалась, вспомнив свой студенческий летний опыт.

Пушкинские музеи приняли меня под свою сень. Я легко вздохнула, освоила экспозиции, освежила в памяти несколько стихотворений и много цитат.

Это было чудесное время... Мы бегали на экскурсии, а в перерывах гоняли чай в сыром подвале, погибающим от плесени. Стены Дома на Мойке разъедал грибок. Экспозицию меняли каждые полгода, закрывали одни комнаты и открывали другие, обставляя их все с большей фантазией, и мы периодически теряли дорогу домой в родной подвал. Травили анекдоты – не те, которые гуляли по стране, а наши, местные. Их сочиняли посетители музея. В книге отзывов они писали: “Спасибо экскурсоводу, который поделился с нами своими скромными знаниями...” Экскурсанты – “ходоки” ходили по дому со свечами и молились, как в церкви. Летом, в жару я упала в обморок в кабинете Александра Сергеевича на руки подоспевшей смотрительнице.

Каждый год, в день рождения Пушкина, экскурсоводы

Всесоюзного музея поднимали циничный тост: “За кормильца...”

Да, черт догадал его родиться в России с умом и талантом. И не только его одного.

Фото Павла Маркина

Летний Сад

Одним из моих друзей того времени был племянник известного искусствоведа... Он жил в огромной коммуналке на Литейном, а свидания наши проходили исключительно в Летнем Саду. Летний Сад всегда поражал меня невозможностью спрятаться, укрыться от любопытных глаз, своей прозрачностью, несмотря на многолетние дубы и вечно темную густую листву.

Однажды Володя, гуляя со мной по аллее, которая даже осенью сохраняет темно-зеленый сумрак, стал туманно рассказывать о разговоре со своей мамой. “Я сказал ей, что собираюсь жениться”.

– А ты собираешься? На ком? – спросила я, не ожидая абсолютно никакого подвоха. Наши встречи носили совершенно платонический и дружеский характер.

– На тебе, конечно, – ответил Володя, и мне пришлось объяснять мужчине, почему его картина мира не совпадает с моей. Он очень удивился, как удивился когда-то другой мой приятель, попавший в первый раз на мою кухню (это была наша вторая встреча) и заявивший оторопевшей маме: “А вот здесь мы повесим полки и купим шкафчик”.

Я решила тогда, что это просто Летний Сад навеял романтические чувства, но он видел и не такое, а Володя поймет и остынет. Но...нашей дружбе пришел конец, и Володя исчез

в пустынях Израиля, далеко от Летнего Сада и его тенистых аллей. И, как выяснилось, там он вполне счастлив.

Фонтанка

О Фонтанке, 59 еще напишут в анналах. В моей жизни это жутковатое здание в стиле советского фундаментализма, в котором когда-то бурлила жизнь всех городских газет, стало магнитом, притягивающим меня многие годы. Здесь мы, юные, дерзкие и глупые журналисты “Смены” воевали с комсомолом, не зная, что за все надо платить. В том числе и за свободу. От комсомола, от государства, от привычной кормушки. И мы заплатили газетой, которую надо же на что-то издавать...

“Ах, свобода, ах, свобода
У тебя своя природа,
У тебя такой капризный климат,
Ты наступишь, а тебя не примут...”

Бродский не видел свободный Петербург, но, как чувствовал. Добра не жди.

И та веселая талантливая “Смена” с ее грязными коридорами, ночными попойками, главным редактором в белом шарфе, но с помятым лицом, – осталась в Ленинграде. А Петербург обошелся без нее.

Здесь, этажом выше, я с тоской воевала с седыми аксакалами бывшей Ленправды, которые капризно пожелали впустить свежий ветер (в лице молодых журналистов), а потом

испугались сквозняков.

И, наконец, третья ежедневка, где не было денег, но была любовь. Первый в моей жизни производственный роман начался в кабинете главного редактора все с тем же видом на серую Фонтанку. Когда-то в ней тонул человек на глазах у всех изумленных журналистов города Питера. Кажется, его спасли, но он был этому не рад. Питерская депрессия, внимательно изучаемая москвичами – это воздух, которым мы дышим с октября по май... И дело было как раз в межсезонье – грязная, серая, холодная весна...

Сначала ничего, так, взгляд в глаза человека напротив, за длинным столом для ежедневных планерок. Потом неожиданное решение отправиться в машине на природу. Выехать удалось лишь на Невский проспект, где и произошла авария – не сработали тормоза, и мы впилились в зад грузовика, к счастью, на маленькой скорости. Если бы инцидент произошел чуть дальше, за городом, а скорость была чуть больше... Не будем об этом.

Выброс адреналина сделал свое дело. И случился роман – бурный и короткий, как весенний питерский ливень, когда город на полчаса делает вид, что он находится в субтропиках. Мы совершенно не подходили друг другу и расстались, так и не осознав, что же это такое было. Иногда я с ужасом читаю то, что он пишет в соцсетях, пытаюсь понять, что же нас связывало... Адреналин и только.

Фото Павла Маркина

Биржа на Стрелке

На Стрелке Васильевского больше всего мне нравится гранитный спуск к Неве. Спуститься, посмотреть на упорных рыбаков, споткнуться об очередную свадьбу, вспомнить свою...

Что еще? Здание Биржи на Стрелке, знаменитый музей Военно-морского флота, куда столько раз мы приходили с сыном смотреть на “кораблики”, – в конце 90-х имела бледный вид. Биржа терпела бедствие. На этот раз, кстати, главный виновник – Петр I, который, не подумав, поставил этот город на зыбучей почве, на которой строить ничего нельзя, или уж, если строить, то на высоких сваях.

Для того, чтобы влажность не проникала в здание, сваи в петровские времена просто обрабатывали свинцом, но драгоценный металл при советской власти экспроприировали, и Биржа тонула, как какой-нибудь сухогруз на Неве. То есть подвалы заливало водой, а на модель крейсера “Очаков” еще 8 лет назад рухнул кусок штукатурки. И погиб крейсер. В общем – запустение... И в этом уже не только Петр был виноват, но и более современные деятели руку приложили.

Мой сын, как все ленинградские мальчишки, любил “кораблики”. А в музее работают высококлассные специалисты, которые из ценных пород дерева делают эти произведения искусства, путешествующие по Международным выставкам

всего мира. При мне один такой мастер с “золотыми руками” как раз увольнялся. Не могу, говорит, больше жить на вашу зарплату. То есть он может быть и готов, а вот семья – не согласна.

– А ведь это он, – шепотом рассказывает научный сотрудник, встреченный мною в перегороденном (ремонт!) коридоре, – делал знаменитую модель, ее еще Горбачев Рейгану дарил... Так знаете, что ему заплатили? Ну, премию выписали в размере оклада. И все.

В общем, “Очакова” потомки уже не увидят. Того самого, из ценных пород дерева.

Фото Павла Маркина

Свидания на улице Восстания

Обожаю улицу Восстания. Она узкая, симпатичная, красиво заасфальтированная плиткой, и витрины на ней все время разные. Вот когда-то, по весне, меня привлек “Магазин знакомств”. Хотите повеселиться? Зайдите, даже если вы счастливо женаты или наоборот замужем. Насладитесь. Вам навстречу выскочит очаровательная девушка в элегантном пиджаке и запоем: “Вы так хороши, да для вас, да мы...” А хмурый дядя неопределенной наружности тут же помашет перед носом пачкой анкет. Вы потянитесь к ним всей душой, а вам – по рукам... А платить кто будет? Пушкин? Я вот, например, наблюдала, как в Магазин зашел мужичок лет 50, весьма непрезентабельной наружности. Плащик такой грязноватого цвета, о ботиночках умолчу... Одинокий мужчина в Петербурге часто выглядит таким образом – климат у нас тяжелый, дороги – грязные, химчистки – дорогие... Опять же стимул нужен. Так вот, он не пожалел денег, заплатил за “посмотреть”, долго вглядывался в фотографии, выбирал, вчитывался в скупые строки анкеты... И вот она, победительница – 25 лет, блондинка, студентка.

Хозяйка магазина посмотрела на мужичка с плохо скрытым раздражением.

– Ей нужен мужчина с иномаркой. Требования у нее такие. А у вас что?

– А я пока безработный... – жизнерадостно ответил клиент. – Вот решил жениться... Питерских мужчин отличает следующее – они убеждены, что нужны в любом виде и качестве. Их уверенности в себе позавидует любой европеец. Возможно наш мужчина – мутант. Его вывели на безрыбье.

Недавно видела объявление в газете: “Бомж познакомится с девушкой для совместного проведения досуга”. Хотите дам телефончик? Даже место для встречи подскажу – Московский вокзал.

Московский вокзал и скоростной поезд

С жутким, грязным, бесприютным, как ночлежка, Московским вокзалом, украшенным у фасада стамеской, грубо разрывающей серое полотнище неба (а как красиво это делает Адмиралтейская Игла!) лично меня может примирить одно. Отсюда иногда отправляется в Москву скоростной поезд.

– А не взлетим? – спросила меня дама, обеспокоено поглядывая в окно на пока неподвижный перрон. Там в снежной пыли колготились бодрые женщины с такими баулами, что оставалось только потрясенно наблюдать за их активным продвижением к дверям вагона знаменитого скорого.

Начало нового тысячелетия два города со столичной и провинциальной судьбами (Москва и Петербург) отметили тем, что принялись интенсивно размывать границы. Потому что, если, сев на поезд в Питере, можно через 4 часа и 20 минут выйти в Москве – это вроде уже и не путешествие в другой город, а так вылазка в соседнюю деревню за грибами. Сел, прочитал пять глав детективного романа, подремал, и приехал.

Особенности этого путешествия можно описывать долго, вспоминая детали. Ну, например, моя соседка (та, что боялась взлететь) через пять минут уже ничего не боялась и делилась со мной наболевшим. Я узнала много интересного,

упорно пытаюсь смотреть в книгу и не реагируя на вопросы типа: “Кольца нет. Не замужем, что ли? А почему?” Действительно, почему?

Страсть жителей Петербурга к общению с малознакомыми людьми полностью разрушает миф о строгих, по-северному холодноватых горожанах в глазах иностранцев, которые в отличие от меня в таких ситуациях пугаются и неуверенно улыбаются. Но в данном случае у путешественника в скоростного есть преимущества: общаться предстоит недолго (а ведь бывало, в купе всю ночь тебя душат историями жизни, а наутро не желают помочь вытащить чемодан). Кроме того слегка укачивает, потряхивая на рельсовых стыках, и вскоре глаза сами собой начинают слипаться. Правда, мешают веселые бабцы с баулами. Они празднуют перерыв в челночной работе, слегка выпивая и закусывая. Громкий хохот не дает погрузиться в сон и счастливо проспять до прибытия. А баулы на полке угрожающе нависают над головой, и это нервирует. Однако неожиданно прибываем.

Мой сын, впервые прокатившись таким образом, выразил общее мнение. Он сказал, что поезд “прикольный”. У них все делится на “прикольное” и “неприкольное”. Вот мы с вами – “неприкольные”, чего там. А скоростной поезд Москва – Петербург – вполне.

...Я выхожу на Ленинградском вокзале, иду по неудобной скользкой платформе и привычно скучаю – уже скучаю по Петербургу. В Москве мы – вечные странники, зарабатыва-

ющие на хлеб насущный, дома – замираем на ходу, где-ни-
будь на стрелке Васильевского, пораженные мыслью: “Куда
и, главное, зачем я бегу?”

Фото Павла Маркина

Урбанистическое лето

Наш город не приспособлен для лета. Впрочем, он и для зимы не приспособлен, а уж поздней осенью и ранней весной в нем вообще утонешь. Возможно, он не приспособлен к жизни, как таковой. Но сейчас лето. “Карикатура южных зим”. Умные люди проводят его за городом и в далеких краях, где жара – сухая, а не влажная, а дожди – теплые и недолгие.

Асфальт может и не плавится под ногами, но от него веет жаром, как от духовки. Воздух над ним дрожит. Иду в 30-градусную жару пешком, в обход того участка Невского, который решили как раз в этот момент ремонтировать. И вот в жарком мареве раздается грохот, летит пыль, работает тяжелая техника и люди в касках. Туристы шарахаются в стороны, сворачивают в близлежащие улицы – у Русского музея я торможу и прошу два стаканчика мороженого – себе и подруге, которая ждет меня в своей квартирке неподалеку. Мороженое стремительно тает, пакета мне не дают с хамскими словами: “А вы мало купили, и вообще пакетов нет”. Готова скупить всю тележку, но денег не хватит. Я же в центре, а здесь – некий негласный налог на все – от чашки чая до тарелки супа в кафе.

Лето в центре города. Полжизни за бутылку воды и скамейку в тени. Бутылка есть, а вот присесть можно только в

кафе, заказав кофе за неприличные деньги. Прохожие идут мимо узкой вереницей – кафе оттяпали большую часть тротуара. И там все равно жарко и пыльно – вы пробовали сидеть прямо на Невском?

Москвичи завидуют, пишут “У нас вообще ад крошечный. У вас хоть воды много...” Воды много, но до нее еще надо дойти, доехать, доползти...

Лучше всего летом в парках. Летний сад, в котором тень исчезла вместе с аутентичностью парка, отпадает – там толпа японцев и прочих любопытствующих создают движение как по Невскому. Фотографируют пруд с лебедями – все, что осталось от старого сада, и фонтаны – местный новодел. Но есть еще Михайловский, Таврический... В Таврическом – благодать. Можно гулять, можно загорать, можно сидеть на холмике, где кафе стоит еще со времен моего детства, и так это здорово... Ведь детство и счастье – почти синонимы. Влюбленные парочки бредут по аллеям, дети рассекают на велосипедах, мамы с колясками обмахиваются журналами.

Лето на работе. Кондиционеры есть только в крупных супермаркетах и дорогих машинах. В офисах, как правило, – тропическая жара, без возможности надеть экстравагантные южные туники. Особенно тяжело мужчинам. Весь Смольный ходит в костюмах, рубашках с галстуками, таков дресс-код, а из открытых дверей кабинетов веет полуденным жа-

ром. Женщинам легче, они могут пройтись в мини даже по смольнинскому коридору. Но жарко всем. Конечно, это не очень надолго, это пройдет, но работать нужно прямо сейчас, в полдень. Сиеста не предусмотрена. Значит, обходимся без сиесты, сидим в редакции под вентиляторами, простужаемся, но не сдаемся. И думаем об отпуске. О том, что очень скоро эта же жара будет казаться благословением. О морском бризе и блаженном ничегонеделании на пляже. Но отпуск заканчивается, а лето пока еще нет. И мы не ропщем. Это праздник, который с тобой не так уж надолго. Надо им насладиться.

Лето в Пулково-1. Это просто ад крошечный, без преувеличений. На стоянке машин обливаются потом водители. Пассажиры заполняют каждый миллиметр неудобного здания старого аэропорта, который не приспособлен вообще ни к чему, и уж всяко не готов к тому, что пассажиры будут по 8 часов ожидать задерживающиеся рейсы на неудобных и немногочисленных скамейках. Багаж свален кучами – в комнате, где разыскивают потерявшиеся чемоданы толпа народу. Раздаются крики:

“Там были дорогие театральные костюмы! Вы знаете, сколько это стоит?!” Девушки с фирменными галстуками устало кивают. Они догадываются. На стене телефон медпункта – крупными цифрами. Судя по всему, пользуются им активно.

Лето в квартире. Воду отключают вдруг, неожиданно, и всю вообще. Хотя, говорят, было объявление, но мы его не заметили... Кошка повышенной пушистости орет, ей жарко, она хочет пить, и вообще, желает, чтобы все было, как раньше – прохладно и влажно. За водой надо идти в ближайший супермаркет, и там уже проводит летний вечер население окрестных домов. Но в супермаркете есть кондиционер. Это плюс. Вечером заснуть нет никакой возможности – светло и душно. Это минус. А что делать... Петербург. Белые ночи прилагаются.

В выходные петербуржцев, не покинувших город в пятницу, посещают мысли об электричке, которая отходит от Финляндского вокзала в сторону залива. Вот сесть бы в пустой прохладный вагон и умчаться в Сестрорецк, на берег, на природу, к шашлыкам... Но вагоны переполнены, там духота, как в Африке, до Сестрорецка, как до неба... И мы добредаем до местного пруда среди многоэтажек. Там есть тень, скамейки, кафе... Дети бесстрашно купаются в луже вместе с собаками. Но что делать, лето. Маленькая жизнь.

2010

Фото Павла Маркина

О зеленоглазом такси

Вы выходите из театра (из ночного клуба, с вечеринки, с работы). Очень хочется домой в свой далекий спальный рай. Вы поднимаете руку, и ни одна... машина не останавливается. Кошмар. Страшный сон.

На моем веку с частным извозом боролись неоднократно. Штрафовали, запрещали, останавливали машину и строго вопрошали:

– Кого везем?

– Это моя сестра двоюродная, – пищал водитель.

– Как зовут брата? – вел допрос гаишник. И тут главное быть готовым и поймать подсказку.

Очистив поле, государство (тогда еще таксопарки принадлежали ему) тут же подрезало бизнес, поднимая цену за километр. Мы вновь опускали руку, приветствующую волгу с шашечками и обращали свой взор к машинам других марок. И так до бесконечности.

Но компании проходили, и все вновь возвращалось на круги своя. Таксисты берут дорого – частники в два раза дешевле. Они, конечно, везут быстро, дешево и сердито. Всегда есть опасность, что машина развалится по дороге, а водитель затеет эмоциональный спор о президенте, губернаторе и войне, опасно заноса машину на повороте. Но приходится терпеть и мило улыбаться, потому что бесплатного сыра не

бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.